ского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003. С. 8–26.

9. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2003.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Рос. фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994.

11. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 2.

12. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Рус. яз., 1991.

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука: Азбуковник, 1986. Вып. 11.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 3.

* * *

1. Alekseev M. P. Russkoe slovo «nichego» i ego zarubezhnye interpretacii // Slovari i lingvostranovedenie / otv. red. E.M. Vereshhagin. M., 1982. S. 28–33.

2. Babajceva V. V. Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka. M.: Drofa, 2000.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2008.

4. Vezhbicka A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1978. Vyp. 8. S. 402–421.

5. Vysockaja I.V. Morfologicheskij status i sintaksicheskie funkcii slova «nichego» // Russkij jazyk v shkole. 1992. № 2. S. 40–42.

6. Efremova T.F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2 t. M.: Rus. jaz., 2001. T. 1.

7. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' sluzhebnyh chastej rechi russkogo jazyka. M.: Astrel': AST, 2004.

8. Kiseleva K. L., Pajar D. Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo // Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo. M., 2003. S. 8–26.

9. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly / pod red. V.V. Morkovkina. M.: Astrel': AST, 2003.

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / RAN; Ros. fond kul'tury. M.: AZ##, 1994.

11. Russkij associativnyj slovar': v 2 t. / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva [i dr.]. M.: Astrel': AST, 2002. T. 2.

12. Rogozhnikova R.P. Slovar' jekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva. M.: Rus. jaz., 1991.

13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. / AN SSSR. In-t rus. jaz.; RAN. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova; gl. red. D.N. Shmelev. M.: Nauka: Azbukovnik, 1986. Vyp. 11.

14. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: Astrel': AST, 2003. T. 3.

Homocomplex "nothing" and its functions in the modern Russian language

There is analyzed the homocomplex "nothing", given the extensive information on each transform. It allows comparing them and finding out the functioning peculiarities.

Key words: *functional homonymy, polyfunctionality, homocomplex, discursive words.*

(Статья поступила в редакцию 19.01.2016)

Т.А. КОРОТКИХ
(Орехово-Зуево)

О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Проведён лингвистический анализ путей и способов стилистического использования крылатых выражений в современной немецкоязычной прессе, что всегда ведёт к образованию окказиональных, стилистических вариантов, которые при многократном употреблении могут войти в узус языка и пополнить собой фразеологический фонд.

Ключевые слова: *крылатые выражения, стилистическое использование, достижение стилистических эффектов, стилистический вариант, пародирование.*

К «крылатым» традиционно относят слова и выражения, автор или литературный источник которых может быть установлен и которые вошли в широкое и длительное употреб-

© Коротких Т.А., 2016

ление данного (или другого) языка. Крылатые выражения (КВ) представляют собой важный источник пополнения и развития фразеологического фонда языка, и их лингвистическое изучение является актуальной задачей современного языкознания.

Интерес к собиранию и изучению так называемых «крылатых выражений», или, по терминологии некоторых других исследователей, «крылатых слов», возник во второй половине XIX столетия, после выхода в свет в 1864 г. сборника немецкого филолога Г. Бюхманна, носящего название «Крылатые слова» (нем. Geflügelte Worte) и выдержавшего в Германии множество изданий [5]. Появление выражения «крылатые слова» относят к древнегреческому поэту Гомеру (épeapteróenta), в поэмах которого оно встречается неоднократно (ср.: «Он крылатое слово промолвил», «Между собой обменялись словами крылатыми тихо») и который называл слова «крылатыми» на том основании, что из уст говорящего они как бы на крыльях летят к уху слушающего.

Крылатые выражения как научное понятие объединяются литературным – в широком смысле – происхождением и могут быть разделены на следующие группы: библейские, например: нем. *seine Hände in Unschuld waschen*, англ. *washone'shands (of something),* рус. *«умыть руки»* (т.е. сложить с себя всякую ответственность); мифологические: нем. *zwischen Szylla und Charybdis*, англ. *between Scylla and Charubdis*, рус. *«между Сциллой и Харибдой»* (в греческой мифологии – два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого Мессинского пролива и губившие мореплавателей; употребляется в переносном значении «между двух опасностей»; ≈ между двух огней, между молотом и наковальней); исторические, т.е. возникшие в связи с определённым историческим событием: нем. *den Rubikon überschreiten*, англ. *crossthe Rubikon*, рус. *«перейти Рубикон»,* т.е. совершить бесповоротный шаг, решительный поступок (из рассказов античных авторов о переходе Юлия Цезаря со своими легионами через реку Рубикон, служившую границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией); политические (*Proletarier aller Länder, vereinigt euch!* – К. Маркс и Ф. Энгельс) и литературные, т.е. имеющие своим источником художественную литературу.

В процессе фразеологизации крылатые выражения могут изменять свой лексико-грамматический состав при сохранении семантического инварианта, что ведёт к созданию формально-структурных фразеологических вариантов. Эти варианты сосуществуют в языке параллельно, они зарегистрированы в лексикографических источниках, а значит, закреплены языковой нормой и являются нормативными, узуальными единицами фразеологии [3].

Наблюдение над функционированием крылатых выражений в современной немецкой речи показывает, что они могут подвергаться также многообразным индивидуально-авторским (окказиональным) преобразованиям их компонентного состава с целью достижения тех или иных стилистических эффектов. В этой связи представляется интересным провести лингвистическое исследование путей и способов стилистического использования крылатых выражений, что и является основной целью настоящей статьи.

В плане синтагматики КВ характеризуются большим разнообразием вариаций своего лексико-грамматического состава, в результате чего возникают окказиональные, ненормативные варианты, которые можно назвать речевыми стилистическими вариантами. Как правило, подобные разновидности КВ остаются на уровне индивидуально-авторских образований: в узус языка они не входят, языковой нормой не становятся и словарями общего типа не регистрируются.

Самым простым и распространенным способом индивидуально-авторского преобразования КВ являются лексические подстановки, когда происходит взаимозамена одного лексического компонента другим, соответствующим ситуации. При этом одно и то же КВ может использоваться многократно в самых разных контекстах и ситуациях. Например, КВ из трагедии Шекспира «Король Ричард III» *Ein Pferd! ein Pferd! (m)ein Königreich für'n Pferd!* (англ.: Ahorse, a horse! Mykingdomforahorse!) [2, с. 436; 9, S. 214], известное также в русском языке (*Коня! Коня! Полцарства за коня!*) [2, с. 436; 1, с. 124], используется как заголовок к брошюре рекламного характера, настоятельно советующей совершить экскурсию в Саксонию и осмотреть её достопримечательности: "**Ein Königreich für *einen Ausflug*!**" (Ein Königreich für einen Ausflug! Schlösser, Burgen und Gärten in Sachsen. 3. Ausgabe. Dresden: Staatliche Schlösser, Burgen und Gärten Sachsen gemeinnützige GmbH, 2014). То же самое КВ выступает как заголовок к статье в форме "**Ein Königreich für *ein Büro***", где речь идёт о сда-

че в аренду иностранными инвесторами своих офисов, за счёт чего они получают неплохой доход (“Moskauer Deutsche Zeitung. 2012. № 7).

Крылатое выражение французского философа XVII в. Декарта **Ich denke, also bin ich**, цитируемое также по-латыни: *Cogito, ergosum* [9, S. 230] и известное в русском языке: «Я мыслю, следовательно (значит), существую» [1, с. 257], встречается многократно в изменённой форме: **Ich *maile* – also bin ich** (Markt. 2009. № 46); **Ich *teile*, also bin ich** (Markt. 2015. № 1).

Крылатое выражение из стихотворения Ф. Шиллера «К друзьям» **die Bretter, die die Welt bedeuten** – «подмостки, символизирующие весь мир», лексикографически зарегистрированное в значении «сцена» [7, S. 334], также многократно встречается в видоизменённой форме в соответствии с новым контекстом употребления: ***Zahlen*, die die Welt bedeuten** (Markt. 2013. № 1) (речь идёт о пинкоде и пароле для компьютера); **Bretter, die die Welt *betrügen*** (“Moskauer Deutsche Zeitung”. 2005. № 4) (в переносном значении – о плохом театре).

В современной немецкоязычной прессе крылатые выражения вообще используются весьма охотно. Это может происходить в «скрытой», имплицитной форме, но всегда рассчитано на известность читателю литературного источника. Так, например, в статье из газеты “Die Zeit”, повествующей о путешествии немецких и монгольских туристов по пустыне Гоби, встречается фраза, которая является стилистическим вариантом первой строки известной баллады И.В. Гёте «Лесной царь» *Wer reitet so spat durch Nacht und Wind?* [9, S. 314]: **Wer *grölt* so *laut* durch *Sand* und Wind? (**DieZeit”. 2015. № 30). Использование КВ в форме **Und bist du nicht willig, so... *gibt es ein Gegenmittel*** (Markt. 2002. № 23) – это также намёк на указанную балладу Гёте:

Ich liebe dich, mich reizt deine schöne Gestalt,
Und bist du nicht willig, so brauch’ ich Gewalt
[9, S. 314].

В статье из газеты “Neues Deutschland” с заголовком “Schäublebautam deutschen Euro”, где говорится о необходимости реформы валютного союза, встречается фраза *Ein Gespenst geht um in Europa* (Neues Deutschland. 2015. Am6. August). Её автор не назван, но читатель понимает, что имеется в виду крылатая фраза из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса *Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus* [9, S. 492] – «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» [1, с. 190].

Иногда КВ используются эксплицитно, и тогда они приводятся в виде цитат с указанием их автора: “Für sie bleibt die Erfahrung, die schon Friedrich Schiller gemacht hat: **Stets ist die Sprache kecker als die Tat”** (Markt. 2003. № 27) («Слова всегда отважней, чем поступки»). В этой статье с названием “Verliererersprechendenglisch” речь идёт о том, что если на фирме говорят на смеси немецкого и английского языков, то фирма менее успешна. В данном случае мысль о том, что правильный выбор слов при общении людей друг с другом имеет большое значение, подкрепляется ссылкой на авторитет создателя данного афоризма – Ф. Шиллера.

Заголовки известных художественных произведений, ставшие крылатыми, также охотно используются в стилистических целях. В таких случаях бывает достаточно изменить только один компонент – в соответствии с новым контекстом употребления. Заголовок романа Гёте **“Die Leiden des jungen Werthers”** («Страдания молодого Вертера») встречается в форме **“Die Leiden des jungen *Wärters*”** (Eulen Spiegel. 1979. № 9); заголовок романа Э.М. Ремарка **“Im Westen nichts Neues”** («На Западном фронте без перемен») – в форме **“Im *Osten* nichts Neues”** (Neues Leben. 1998. № 24); заголовок романа Г. Бёлля **“Gruppenbild mit Dame”** («Групповой портрет с дамой») – как **“Gruppenbild mit *Euro*”** (Markt. 2002. № 24).

Для создания юмористического или сатирического эффекта бывает достаточно самого незначительного изменения компонентного состава КВ; ср.: **Das jüngste *Gerücht* (**Markt. 2008. № 42) от библеизма **das Jüngste Gericht** «рел.: Страшный суд, второе пришествие» [2, с. 213] (игра слов: das Gericht – суд, das Gerücht – слух, молва, толки).

Анализ современной немецкоязычной прессы показывает, что особенно часто стилистическому использованию подвергаются те крылатые выражения, которые вошли в пословичный фонд немецкого языка. Они стали настолько употребительными, что утратили ссылку на литературный источник происхождения, отвечают всем признакам пословицы и зафиксированы лексикографически либо без указания автора, либо с пометой *посл.* «пословица» (нем. Sprichwort), и лишь углублённый этимологический анализ может дать сведения

о литературном происхождении этих оборотов [4]. При этом их использование всегда направлено на достижение тех или иных стилистических целей. Прежде всего, они используются автором газетной статьи для более чёткого выражения своей мысли, а также для подтверждения своего мнения ссылкой на авторитет народной мудрости. В этом случае крылатые фразы, как правило, выступают в своей традиционной стабильной устойчивой форме.

Устойчивая фраза *Wissen ist Macht,* зафиксированная в «Немецко-русском фразеологическом словаре» Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина как пословица [2, с. 627] и широко употребительная также в русском языке в форме «Знание – сила» [1, с. 104–105], восходит по своему происхождению к крылатой фразе Ф. Бэкона *Knowledge is power* [9, S. 520]. В современной немецкой прессе она часто используется как заголовок к статьям, в которых речь идёт о важности в условиях рыночной экономики такого фактора, как знания (Markt. 2001. № 20; Markt. 2015. № 1).

Однако исследованный материал позволяет утверждать, что пословицы литературного происхождения чаще всего употребляются с теми или иными изменениями своей структурной организации. Это может быть вызвано разными причинами. Так, пословицы охотно используются для полемики с их традиционным содержанием. Например, в статье под названием “Wer bremst, gewinnt”(«Кто тормозит, выигрывает») (Markt. 2001. № 20) автор пытается оспорить содержание широко известной пословицы *Zeit ist Geld* (= Время – деньги) [2, с. 638], восходящей к цитате из сочинения Б. Франклина «Совет молодому купцу» (1748); ср. англ.: Time is money [9, S. 328].

В случае категорического несогласия с содержанием пословицы авторы включают в её лексический состав отрицание **nicht.** Так, например, в статье под заголовком “Entspannung durch kreatives Nichtstun” даны советы психолога о том, что не нужно торопиться и жить в постоянном режиме нехватки времени: “**Zeit ist *nicht* Geld!** Nicht jede Aktivität ist auf Heller und Pfennig berechenbar. Die Motivation der Arbeitenden lebt von der Liebe zur Arbeit. Und die Liebe zur Arbeit benötigt andere Zeitmuster als die lieblose Arbeit. Der Wert eines Gesprächs lässt sich nicht messen” (Markt. 2002. № 23).

Часто происходит замена лексического компонента устойчивой фразы на другой компонент, соответствующий контексту газетной статьи. Например, обусловленную контекстом замену лексических компонентов пословицы **Allen Menschen recht getan, ist eine Kunst, die niemand kann** («На всех не угодишь») [2, с. 454], являющуюся по своему происхождению крылатой фразой немецкого средневекового поэта Фрейданка [9, S. 165], можно наблюдать при стилистическом использовании этой пословицы в связи с введением в обращение новой общеевропейской валюты – евро. В статье под названием „Gruppenbild mit Euro“ речь идёт о том, что не всем немецким дизайнерам нравится оформление новых банкнот: “**Allen *Designern* recht getan, ist eine Kunst, die *der Euro* nicht kann.** Die Darstellungen sollen den Europäern vertraut erscheinen, ohne traditionelle Motive einzelner Staaten zu zitieren” (Markt. 2002. № 24). Кстати, само название статьи, как уже говорилось выше, является намёком на известное произведение Г. Бёлля “Gruppenbild mit Dame”. А подзаголовок к этой статье: “**Der *schöne* Schein trügt**: Deutschlands Designer mögen Robert Kalinas Banknoten nicht” содержит явный намёк на общеупотребительную пословицу **Der Schein trügt** («Внешность обманчива») [2, с. 482], которая имеет литературное происхождение [9, S. 247] и претерпевает здесь расширение лексического состава. Более того, стилистическое использование этой пословицы основано также на игре слов: Schein – внешность и Schein – денежный знак, купюра.

Индивидуально-авторское преобразование пословицы может привести даже к полному разрушению её структуры, но в любом случае автор стремится к тому, чтобы вызвать в памяти читателя традиционную форму данной устойчивой фразы и её смысл.

Ср., например, использование известной пословицы **Reden ist Silber, Schweigen ist Gold** («Слово – серебро, молчание – золото») [2, с. 456], имеющей литературный источник происхождения [9, S. 235], в контексте статьи “Sieger starten seicht” о том, как важно для карьеры умение вести беседу о, казалось бы, незначительных вещах: “Wer sein Bewusstsein für menschliche Kommunikation schärft, stellt fest, dass ***Reden oft mehr wert sein kann als Schweigen***, auch wenn das Sprichwort es anders vorsieht” (Markt. 2008. № 42). Пословица может быть употреблена в сокращённой форме, например: **Reden ist *nur* Silber** (“Markt”. 2008. № 42), но понятно, что читатель должен мысленно продолжить её (“Schweigen ist Gold”) и принять к сведению совет о том, что в трудовом коллективе лучше воздержаться от уча-

стия в сплетнях. Стилистическое использование этой крылатой фразы в изменённой форме **Schweigen ist Gold, Reden ist *Dachau*** является ярким образцом политической сатиры [12, S. 186] (Дахау – бывший фашистский концлагерь).

В современной немецкоязычной прессе встречается также такое интересное явление, когда автор статьи, используя пословицу для подтверждения своего мнения, не ограничивается дословным цитированием, а пишет продолжение этой пословицы, видимо, с целью большей убедительности своего высказывания. Так, в одном из номеров газеты "Markt" неоднократно встречается подобное стилистическое использование немецких пословиц (Markt. 2008. № 43). Это пословицы немецкого языка **Geteiltes Leid ist halbes Leid** (букв. «Разделённое горе – половина горя») (она известна также в форме *Geteilte Freude ist doppelte Freude, geteilter Schmerz ist halber Schmerz* [2, с. 190]) и **Die Zeit heilt alle Wunden** = «Время – лучший лекарь» [2, с. 638], имеющие литературный источник происхождения [9, S. 407, 49]. В статье под названием "Mein Chef, die Nervensäge" даются советы, как вести себя в конфликтной ситуации с коллегами или начальником. Один из советов гласит: «искать союзников». "Sind Sie der Einzige, der unter dem ungeliebten Kollegen oder Chef leidet? Unwahrscheinlich. Finden Sie vorsichtig heraus, wem es ähnlich gehen könnte. **Geteiltes Leid ist *nicht nur* halbes Leid, *sondern ein wichtiger Schritt auf dem Weg zur Besserung der Situation".*** В статье "Ohne Handy in den Hörsaal" говорится о том, как с течением времени изменились нормы поведения в академической сфере: "**Die Zeit heilt Wunden – *und ändert die Sitten***. Viele Formen des akademischen Umgangs, die einst selbstverständlich waren, muten heute exotisch an". И автор статьи восклицает: "**O tempora, o mores!",** процитировав тем самым полатыни крылатое выражение Цицерона (нем. "O diese Zeiten, diese Sitten!") [9, S. 59]; рус. «О времена, о нравы!» [1, с. 168].

Широкая известность пословицы может привести к тому, что она начинает употребляться в самых разных контекстах и ситуациях, подвергаясь различным структурным преобразованиям. Так, крылатое выражение из драмы Шиллера «Вильгельм Телль» **Früh übt sich, was ein Meister wer den will** – «Кто сызмала начнёт, тот мастер будет» (рус.: ≈ навык мастера ставит), ставшее немецкой народной пословицей, которую «знает каждый ребёнок» [11, S. 3], часто употребляется в окказионально преобразованной форме, например: **Früh übt sich, *wer zur Zeitung* will** (в газетной статье из „Neues Leben" речь идёт о кружке юных журналистов) (Neues Leben. 1995. № 1); ***Wenn Übung keine Meister macht*** (в статье из газеты "Moskauer Deutsche Zeitung" речь идет о неблагополучном положении с воспитанием юных футболистов в футбольных школах) (Moskauer Deutsche Zeitung. 2010. № 15).

Следующая ситуация представляет собой сцену допроса двух парней-безбилетников, снятых полицией с поезда: "Wie alt bist du?" – "Fünfzehn". – "Und der andere?" – "Sechzehn", murmelt Max. ***"Früh übt sich",*** sagt der Polizist (H. Jobst. "Der Zögling"). В такой же усечённой форме – ***Früh übt sich*** – пословица используется в качестве заголовка к сатирическому рассказу, повествующему о том, что некоторые молодые люди в Западной Германии посредством военных игр уже с детских лет, по мнению автора статьи, воспитывались в духе милитаризма (Eulenspiegel. 1977. № 31). Таким образом, в данном случае можно говорить о постепенном приобретении обособившимися компонентами самостоятельности в употреблении с оттенком неодобрения в значении, ср.: ≈ из молодых, да ранние.

Следует отметить, что именно такие окказиональные образования обладают наибольшей степенью «потенциальной узуальности»: «осколочное» использование фрагментов исходной единицы способствует их постепенному вычленению из пословично-поговорочного контекста, обособлению и дальнейшему самостоятельному употреблению как узуальных, нормативных единиц фразеологии.

«Переразложение» структуры устойчивой фразы может идти ещё дальше и привести к образованию новых глагольных речевых оборотов, ср.: ***"Sie üben früh"*** – это название статьи о том, на какие покупки расходуют свои деньги дети (Markt. 2002. № 24). Глагольное словосочетание ***früh üben*** при многократном использовании его в разных контекстах может войти в языковой узус и пополнить собой фразеологический фонд немецкого языка, как это уже произошло с другими крылатыми выражениями Ф. Шиллера.

Пословица немецкого языка **Die Axtim Haus er spart den Zimmermann** («Коль в доме есть топор, то плотник ни к чему»), имеющая тот же литературный источник происхождения – драму Шиллера «Вильгельм Телль» [2, с. 60], также часто используется в

разных контекстах в окказионально изменённой форме: ***Gießerei* im Haus er spart *so manches*** (Leipziger Volkszeitung. 1982. Am 10. Oktober); ***Handwerker-Nachwuchs* erspart *uns* die `Axt`** [Ibidem. Am 30. September); **Die Axtim Hause er spart *den Revolver*** (Neues Leben. 1967. Am 20. Dezember). Стилистический вариант этой пословицы **Die Axt im Haus *ersetzt die Ehescheidung*** вошёл даже в узус языка, о чем свидетельствует его регистрация толковым словарем современного немецкого языка серии Duden [7, S. 237]. Оборот дан с пометой *«разг.; шутл.»*.

Однако, как далеко бы ни заходило стилистическое изменение структуры пословицы, оно всегда нацелено на воссоздание в памяти у собеседника или читателя традиционной формы и содержания данной устойчивой фразы, ибо главным моментом здесь является обращение к авторитету общепринятого мнения.

Немецкие крылатые фразы весьма охотно подвергаются такому виду стилистического варьирования, как **пародирование** [12]. Многие классические цитаты стали объектом пародийного использования. Особенно много пародий дала поэма Ф.Шиллера «Песнь о колоколе» [13].

В составе крылатого выражения из «Песни о колоколе» –

Drum prüfe, wer sich ewig bindet,
Ob sich das Herz zum Herzen findet! –

пародии подвергается вторая строчка:

Ob sich nicht etwas Bessres findet
[6, S. 175; 10, S. 603].

Содержание следующих строчек:

Er zählt die Häupter seiner Lieben,
Und sieh! ihm fehlt kein teures Haupt –

пародийно изменено следующим образом:

Er zählt die Häupter seiner Lieben,
Und sieh!es sind statt sechse sieben [12, S. 174].

Но пародия идёт ещё дальше:

Er zählt sie nochmals mit Bedacht,
und sieh! es sind statt sieben acht [Ibid., S. 175].

Следующая строфа из «Песни о колоколе»:

Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn,
Jedoch der Schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn –

также подвергается шутливому пародированию:

Gefährlich ist's, den Leim zu lecken,
Gefährlich ist der Ziege Zahn,
Jedoch der Schrecklichste der Schrecken,
Das ist ein Bierfass ohne Hahn [Ibid.].

Уже одна-единственная строчка, вырванная из контекста, может оказывать юмористическое воздействие. Так, например, цитирование только одной первой строчки крылатого выражения из «Песни о колоколе»:

Der Mann muss hinaus
Ins feindliche Leben [Ibid., S. 174] –

сознательно рассчитано на комический эффект. Из оды Шиллера «К радости» происходит крылатое выражение:

Und wer's nie gekonnt, der stehle
Weinend sich aus diesem Bund! –

при пародийном использовании которого цитируется только первая строка:

Wer's nie gekonnt, der stehle! [Ibid. S. 175].

Комический эффект достигается здесь за счёт игры слов *sich stehlen(aus)* «уйти тайком (из)» и *stehlen* «красть, воровать».

Характерно, что одна и та же крылатая фраза может пародироваться различными способами. Так, например, КВ из шиллеровского стихотворения «Достоинство женщин»:

Ehret die Frauen! sie flechten und weben
Himmlische Rosen insirdische Leben –

лексикографически зафиксировано в следующих формах:

Ehret die Frauen! sie weben und flechten
Falsche Zöpfe in die echten [8, S. 227];
Ehret die Frauen! sie stricken und weben
Wollene Strümpfe für'sirdische/frostige Leben
[14, S. 137; 6, S. 168].

Такое употребление всегда сознательно рассчитано на комический или иронический эффект. Возникнув первоначально как индивидуально преобразованные КВ, подобные выражения в пародированной форме со временем могут войти в общее языковое употребление.

При пародировании крылатых выражений происходит намеренное снижение возвышенной стилистической окраски на уровень просторечной вплоть до грубой. Важнейшей предпосылкой для любой пародии является широкая известность источника.

Таким образом, основными путями и способами стилистического использования кры-

латых выражений являются следующие: лексические подстановки, обособление компонентной группы, расширение лексического состава и переразложение структуры КВ. Частным видом стилистического использования КВ является пародирование.

Индивидуально-авторское преобразование КВ осуществляется в целях достижения тех или иных стилистических эффектов – преимущественно юмористического или сатирического характера. Оно служит либо для усиления семантики исходной единицы, придания ей большей выразительности, оживляя лежащий в основе оборота образ, либо, чаще всего, для конкретизации семантики в связи с определённым контекстом (ситуацией).

Исследованный материал позволяет сделать основной вывод о том, что при многократном употреблении того или иного стилистического варианта КВ в разных контекстах и ситуациях этот окказиональный вариант может приобрести устойчивость употребления и войти в узус языка как самостоятельная единица фразеологии, что должно быть обязательно подтверждено его лексикографической фиксацией.

Итак, лингвистическое изучение процесса стилистического использования крылатых выражений не только способствует выявлению их вариационных возможностей в процессе речевого функционирования и помогает более глубокому проникновению в богатый красочный мир выразительных средств немецкого литературного языка, но и представляет значительный интерес в плане исследования крылатых выражений как потенциального источника пополнения и развития фразеологического фонда.

Список литературы

1. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.: Рус. яз., 1985.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1975.
3. Коротких Т.А. О варьировании фразеологизмов литературного происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3 ч. Ч. 1. С. 101–104.
4. Коротких Т.А. Крылатые выражения Ф. Шиллера как источник немецких пословиц // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград. 2015. № 5 (100). С. 223–230.
5. Büchmann G. Geflügelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes. Berlin: Haude und Spener, 1864.
6. Büchmann G. GeflügelteWorte. NeueAusgabe. Wien: Donauland, 1959.
7. DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2007.
8. Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik: Systematisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. München: Max Hueber Verlag, 1966.
9. Geflügelte Worte: Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang / K. Böttcher [u.a.]. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981.
10. Kleine Enzyklopädie: Deutsche Sprache / W. Fleischer [u.a.]. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983.
11. Prossliner J. Kleines Lexikon der Schiller-Zitate. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004.
12. Röhrich L. Gebärde – Metapher – Parodie. Studien zur Sprache und Volksdichtung. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1967.
13. Schaefer F. Schillers “Lied von der Glocke” und seine geistvollsten Parodien. Ein Hausschatzdeutschen Humors. Berlin: Pritschow, 1895.
14. Zeuschner O. Internationaler Citatenschatz: Lesefrüchte aus heimischen und fremden Schriftstellern (Sprichwörter und Sentenzen). 3., verb. undverm. Auflage. Leipzig: Verlag von E. Schloemp, 1885.

* * *

1. Afon‘kin Ju.N. Russko-nemeckij slovar‘ krylatyh slov. M.: Rus. jaz., 1985.
2. Binovich L.Je., Grishin N.N. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar‘. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. jaz., 1975.
3. Korotkih T.A. O var‘irovanii frazeologizmov literaturnogo proishozhdenija // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50): v 3 ch. Ch. 1. S. 101–104.
4. Korotkih T.A. Krylatye vyrazhenija F. Shillera kak istochnik nemeckih poslovic // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Volgograd. 2015. № 5 (100). S. 223–230.

Considering the stylistic use of popular statements

There is given the linguistic analysis of the ways of the stylistic use of popular statements in the modern German printed media. The stylistic use always leads to occasional stylistic varieties which may be used as phraseological units.

Key words: *parody, popular statements, stylistic use, stylistic effects, stylistic variety.*

(Статья поступила в редакцию 18.01.2016)